

Эвелина Тень

Школьный маг и ночные кошмары

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т33

Тень Э.

Школьный маг и ночные кошмары / Тень Э.; худ. Шторм Х. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 184 с.

ISBN 978-5-532-99722-6

Жанр: школьное фэнтези. Выпускница Анжела Шумилова работает школьным магом, охраняя Врата в иные миры. Во время мистического фестиваля она сталкивается с ночными кошмарами и узнаёт о планах их Хозяйки по завоеванию нашего мира. Победить в борьбе с кошмарами Анжеле помогут семья, друзья, прихваченный с кладбища фамилляр и неиссякаемый источник светлой энергии – сама школа и её ученики.

ISBN 978-5-532-99722-6

© Тень Э., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

В эти выходные в парке Горького планировались кошмарные вечера. С пяти до восьми вечера приглашалась публика до четырнадцати лет, а вот с восьми до одиннадцати развлекаться предполагалось не по-детски, оттого рекламная листовка, сунутая мне в руки сестрой Катей, призывала являться в это время исключительно взрослым особам, уверенно перешагнувшим вышеназванный возрастной рубеж. Особо насыщенная программа ожидалась в воскресенье: улица страха, коллекция средневековых пыток, замок Дракулы, лабиринт ужаса, цирк проклятых, демонстрация казней, интерактивные площадки и конкурс страшных костюмов. От обилия злобных ухмылок, острых зубов и черепов с костями, креативно и плотно украшавших листовку, зарябило в глазах, и я, слегка поморщившись, перевела взгляд на Катерину:

– А почему в сентябре?

– Не знаю, – пожала та плечами, – но ведь классно, да?

– Я бы ещё поняла устроить такое на Хеллоуин, – приподняла удивлённо брови, – но в конце сентября?

– Пойдёшь со мной? – перешла к главному сестра. – Я с Аней уже договорилась, но только с ней меня не отпустят.

– До праздника всех Святых остался всего месяц, ну, чуть больше, какой смысл сейчас эти вечера кошмарные проводить? – продолжала вполголоса недоумевать я.

– Родители потребуют, чтобы с кем-нибудь из взрослых пошли. Так что скажи, что согласна, – настаивала сестра.

– И, главное, до одиннадцати вечера... Прямо как у больших.

– Ты нас обеих отпроси, ладно? – продолжала гнуть свою линию сестра, и я решила наш разговор, ведущийся, как обычно, в режиме самодостаточных монологов (в смысле, каждая о своём), перевести в форму продуктивного диалога.

– Так вы сходите до восьми, – предложила. – И меня напрягать не надо, и надзора никакого.

– Да ну, – пренебрежительно фыркнула Катерина, – это же для малявок! Неинтересно.

– А ты кто? – удивилась я. – Тебе четырнадцать только в декабре!

– Анжела-а-а... – принялась ныть сестра, но была прервана.

– О! Ночь кошмаров! – раздался радостный голос, и неслышно подошедший сзади Евгений Каширский заглянул мне через плечо.

– Привет, – вежливо сказала я, оборачиваясь, и проявила любопытство:

– А ты откуда знаешь?

– У меня там сеструха в постановке, – с готовностью пояснил Каширский и, оценив мой озадачено нахмуренный лоб, добавил. – Двоюродная. Маринка.

– А, – коротко сказала я и ещё раз взгляд на рекламу бросила.

– И раз уж зашёл разговор, – Каширский интимно понизил голос и окончательно вторгся в моё личное пространство (Катерина деликатно посторонилась, освобождая ему место). – Хотел спросить... Анжел, давай ходим вместе, а? Вечер воскресенья, осенний парк, все дела... Девушки же такое любят?

– Да? – с сомнением протянула я и ещё раз на бумажку в своих руках посмотрела. – Такое? В смысле, черепа, зомби и разлагающуюся плоть?

– В смысле романтическую прогулку вдвоём, – вздохнул Каширский и посмотрел на меня с неудовольствием.

– Ах, это! – смущённо обронила я и, зардевшись, задумалась.

Катерина тем временем занималась двумя взаимоисключающими делами: старалась стать как можно незаметнее, буквально слившись со стеной школьного коридора, чтобы не мешать приватному разговору между старшей сестрой и её потенциальным парнем, и одновременно привлечь моё внимание, усиленно вращая глазами и транслируя мне через эти интенсивные движения какую-то мысль. Я с большим интересом на сестру уставилась: та, заметив мой взгляд, головой уверенно покивала, потом в грудь себе пальчиком потыкала, ручки в просящем жесте сложила и состроила какую-то рожу, которую она посчитала, должно быть, трогательно-жалобной, а я так откровенно страшной.

– Хорошо, – невольно вздрогнув, сказала и взгляд на Каширского перевела, порадовавшись, что тот стоит к Катке спиной и её жуткой пантомимы не видит. – Хорошо, Женя, спасибо за приглашение.

Тут Катерина отчётливо хрюкнула, и я торопливо добавила:

– Катя с подругой тоже пойдут. Но... они нам мешать не будут, так ведь?

Не знаю, кому именно я адресовала этот вопрос, скорее, им обоим, и Каширский не спеша к Катерине обернулся.

– Привет! – просияла дружелюбной улыбкой Катя и даже ручкой помахать дёрнулась, но стушевалась.

– Привет, – кивнул Каширский, словно только сейчас её заметив, и снова тихонечко вздохнув, придвинулся ко мне ещё ближе, драматично шепча чуть ли не в ухо:

– Анжел, а одна ты на свидания не ходишь? То с подругой, то с сестрой младшей...

– О, а это свидание? – растерянно пробормотала я и выразительно на Катю посмотрела: ведь должна же она понимать, сама девушка... Но сестра то ли не понимала, то ли очень на мистический фестиваль попасть хотела, только она злобно нахмурилась, руки на груди крест-накрест сложила и принялась прицельно прожигать меня взглядом.

– Жень, ну какое это свидание, в ночь кошмаров?! – не выдержав Каткиной психической атаки, переключилась я на одноклассника.

Каширский промолчал, только русую бровь изогнул вопросительно-иронично (не думала, что он так умеет), и я вновь на Катю посмотрела: уже беспомощно.

– Ты мне сестра или какашка? – беззвучно, одними губами проартикулировала Катерина, и я вздохнула.

– Катя с подругой с нами пойдут, – сказала, и на этот раз – окончательно. – Её без моего пригляда так поздно из дома не отпустят. Конец сентября, в семь уже темно. Прости.

– Да ничего, – неожиданно покладисто ответил Каширский. – Сестра так сестра. С подругой так с подругой. Я уже привык. Ты, главное, – тут он фыркнул и на мгновение прижался ко мне всем телом, подчёркивая важность момента, – сама прийти не забудь.

– Жень! – укоризненно выдохнула я, но парень уже отстранился и даже шаг назад сделал.

– Я серьёзно, Анжел, – крикнул он, открывая дверь в кабинет литературы. – Отложи все свои сверхважные дела и давай по-нормальному развлечёмся хоть раз.

Каширский скрылся в классе, и Катька порывисто меня обняла.

– Спасибо! – пропищала она. – Пойду Аню обрадую! Пока-пока!

– Шустрее беги! – поторопила её, глядя, как она поскакала по коридору. – Через пять минут звонок!

Осмыслив выданную мной же информацию, я поняла, что и мне надо поспешить, и завернула вслед за Каширским в кабинет литературы.

– Анжела! – подруга Маша, уже обретавшаяся за нашей партой, приподнялась и чмокнула меня в щёку. Я ответила ей тем же, торопливо сгружая рюкзак с плеча и бросая на стол уже весьма помятый рекламный проспект.

– Мистический фестиваль! – воскликнула подруга, подхватывая листовку с таким искренним и живым энтузиазмом, что я испуганно напряглась. Ну, в том смысле, что если ещё и она на вечер кошмаров в компанию напросится, то я даже боюсь представить реакцию Каширского...

– А ты хотела бы пойти? – осторожно спросила, замирая с хрестоматией русской литературы в руках.

– Очень! – пылко ответила Маша.

– А... с кем? – ещё более настороженно поинтересовалась я.

– Что значит – с кем? С тобой, конечно! – подруга посмотрела на меня с неприкрытым удивлением, и я тихонечко вздохнула. Ну конечно, с кем ещё идти на пытки и казни любоваться, как не со мной?

– Маша, видишь ли, – робко начала я и аккуратно хрестоматию на стол положила.

– Но – увы, – печально проговорила девушка, и я вскинула на неё глаза.

– Что – увы? – спросила и заподозрила неладное: ну, то ли Машка обрела талант телепата, то ли наши торопливые обжималки с Каширским в коридоре увидела и правильные выводы сделала.

– В воскресенье у меня занятие в языковом центре, с шести до девяти, – пояснила подруга, и я постаралась скрыть охватившее меня радостное облегчение как от того, что мои подозрения оказались напрасными, так и от того, что количество сопровождающих меня на свидание с Каширским лиц не пополнилось ещё и ею. Правда, тут же я почувствовала лёгкий, но заметный укол совести: Мария же моя лучшая подруга, а я вроде как довольная, что она пойти не сможет. Но... с другой стороны, я на Женьку с восьмого класса заглядывалась. В десятом, правда, на эти глупости времени и сил почти не оставалось – столько всего на меня свалилось вместе с работой школьным магом, но вот сейчас... в выпускном классе... Нет, обязанностями своими волшебными я, конечно, пренебрегать не собираюсь, но... мы с Каширским последний год в школе вместе, когда и попробовать, если не сейчас?

Эта мысль оказалась неожиданной. Не о том, что Женя мне, скорее всего, нравится, а о том, что у нас остался всего год, чтобы с симпатиями и их возможным развитием определиться. Я... как-то об этом не задумывалась. Я до десятого класса вообще ни о чем особо не задумывалась, жила себе и жила просто, как получится, а год назад случился такой поворот (да нет, переворот!) в моей реальности, что думать я стала много. И о многом. Кроме, разве что, как раз личной жизни. Ну, мне при должности школьного мага как-то не до неё стало. Правда, весь прошлый год Каширский оказывался со мной рядом почти во всех передрыгах, но наши отношения никогда не выходили за рамки дружбы... да и то лёгкой. Может, я сама предпочла не замечать его намёков, увлекшись новым, захватывающим и ответственным делом? Может, мне мало было намёков и хотелось чего-нибудь поконкретнее? Может, я боялась за мой секрет? А, возможно, из-за моего секрета я боялась за Каширского? Как много вопросов! Но вот только в десятом классе ни он, ни я так и не сделали решительного шага.

Но теперь я окрепла как маг и повзрослела как личность. Что ж, сейчас, в выпускном, я, пожалуй, смогу выдержать не только магические прорывы, но даже и первую влюблённость. Я улыбнулась.

– Ты чего, Анжела? – покосилась на меня подруга.

– Извини, – сказала, продолжая улыбаться. – Меня Каширский на ночь кошмаров пригласил.

– Это хорошо, – одобрительно кивнула Маша.

– Хорошо? – хихикнула я. – На ночь кошмаров?

– Вот если бы просто на ночь, то это было бы неприлично, – важно заявила Мария. – А так, на кошмаров – это ничего, вполне даже пристойно.

Мы зафыркали, и я невольно покосилась на соседний ряд, где Каширский усиленно тряс рюкзаком, изображая подготовку к уроку. Тройка книг выпала на парту, и одновременно с их шлепком Женька обернулся, перехватив мой взгляд. Вид у него при этом стал отчего-то донельзя довольным, и он медленно и проникновенно улыбнулся. От этой улыбки, полной интимного значения, я засмушалась, но отворачиваться не стала, откровенно парнем залюбовавшись. Его красивые серые глаза, опущенные выгоревшими длинными ресницами, казались ещё светлее и выразительнее из-за сохранившегося каникулярного загара, и больше – из-за высоких скул, четко проступивших на худощавом лице. Спортивная фигура была выгодно упакована в аккуратную отглаженную рубашку и консервативные пуловер и брюки. Идеальная короткая стрижка дополняла образ симпатичного «хорошего» мальчика, и единственное, что слегка из него выбивалось, – пара модных светло-серых кроссов. Сколько я Женьку помнила, он всегда ходил в кроссовках. Ну, не в одних и тех же, разумеется, но ботинки (классические туфли, мокасины, сандалии и прочее) не носил в принципе. Вообще-то для парней нашего возраста кроссы – это нормально, у нас три четверти мальчишек в них ходят, но для Каширского другой обуви словно и не существовало: кроссовки зимние, летние, осенние, для бега, для занятий баскетболом, модно-выпендрёжные – для походов на дискотеку, отдельная пара – как сменная обувь в школе... и я неожиданно всерьёз задумалась о том, а не придёт ли Женька в кроссах и на выпускной вечер? Прикупит себе парочку строгих чёрных к костюму или, наоборот, отыщет что-нибудь этакое, с подсветкой и музыкой? Или всё-таки подчинится правилам (и администрации) и обзаведётся классическими туфлями – оксфордами или дерби? Может, одолжит у папы, если уж

нет смысла покупать на один раз? Хм. А почему, собственно, меня так волнует вопрос Женькиной обуви? Неужели примеряю его себе в кавалеры на выпускной бал? Я стушеввалась, поймав себя на этой мысли.

Весь прошлый год мне было не до романтики: в десятом классе неожиданно открылись мои, мягко говоря, паранормальные способности, и я стала магом и хранителем нашей школы – особого, довольно густо населенного мира и по совпадению Врат в иные измерения. Так что все личные переживания, в том числе связанные с мальчиками, отошли на второй план. Или даже на третий. Ну, понимаю, конечно, что это странно для юной и довольно симпатичной девушки, но факт. Но вот теперь... в последний год школы... Каширский игриво мне подмигнул, и мысли в голове заполошно заматались, способные сложиться только в отрывочные маловразумительные штампы: кто, если не я?! Когда, если не теперь?! И всё такое прочее.

Я с усилием отвела от Женьки глаза, и подруга рядом понимающе хмыкнула. Стыдливо уставилась взглядом в парту, пытаясь унять пустившееся вскачь сердце и с необыкновенной ясностью понимая: я пойду на свидание с Каширским, даже если за нами увяжется весь Катькин класс, да и мой заодно. Ну и толпа мертвяков, ведьм и зомби в придачу.

В пятом часу, перед тем как уйти, я, как обычно, отправилась в подвал школы. В один из подвалов старого здания, если быть точной, туда, где и находилась самая тонкая из Завес.

Осторожно спустившись по крутым ступеням, я прошла по узкому коридорчику в Белый зал. Он потому так и назывался, что всё в нем было белого цвета: потолок, стены, линолеум на полу (после многолетнего использования уже скорее серый или даже бежевый), стулья, пуфики из кожзаменителя, диванчик, пара столов и выкрашенное в белый цвет (поверх своего собственного) расстроенное пианино. Раньше в Белом зале проводили небольшие внеклассные мероприятия: чаепития по поводу Дня именинника, конкурсы чте-

цов, репетиции школьного песенного ансамбля, но с постройкой новой школы помещение оказалось заброшенным, и в нём с комфортом обосновалась Белая Дама.

– Цецилия Феликсовна, сударыня, – позвала я, присев на пуфик у двери, не включая ламп. Проникающий из коридорчика рассеянный свет слегка пробежался по длинной вытянутой комнате и отразился в стеклянных дверях напротив. За этими дверями находилась старая неоконченная экспозиция из истории здания, бывшего когда-то дворянской городской усадьбой и имевшем такую сложную систему подвальных помещений, ходов-выходов-поворотов и скрытых комнат, что посрамила бы и катакомбы.

Надо сказать, что даже у меня Белый зал с его низким сводчатым арочным потолком и неясными тенями, время от времени мелькавшими за дальними стеклянными дверями, вызывал внутренний трепет, чего уж говорить о первоклассниках, которых в обязательном порядке таскали сюда на посвящение в гимназисты добрые ученики постарше.

– Деточка, – раздался чуть слышный вздох и возле пианино соткалась фигура Белой Дамы.

С тех пор как Цецилия Феликсовна взяла на себя роль моего добровольного помощника и поселилась в зале, чтобы быть поближе к местам прорыва, она старалась соответствовать окружающей обстановке и проявляла себя в одежде исключительно белого цвета. Вот и сейчас на ней были белоснежные блузка с воротником-стойкой и юбка, которая заканчивалась где-то на уровне коленей. Заканчивалась вместе с Цецилией Феликсовной, я имею в виду. Оформлять себя полностью – до кончиков туфель – Цецилия Феликсовна никогда не стремилась, за исключением званных вечеров и балов, являться на которые в таком...хм... незаконченном виде считалось дурным тоном. Я покосилась на провал под коленями Белой Дамы и невольно вздрогнула.

– Анжела, деточка, – негромким интеллигентным голосом произнесло привидение, – рада вас видеть. Как поживаете?

– Очень хорошо, благодарю вас, сударыня, – ответила.